

О.В. Данич

Культурно-национальная специфика волшебных сказок

Фольклор – один из видов народного искусства, который отображает действительность в образах, созданных при помощи поэтического слова. В фольклоре сфокусировались и оформились древние верования людей, связанные с представлением о неразрывной связи человека с природой, с миром духов, предков, о возможности взаимодействия со сверхъестественными силами.

Целью данной статьи является выявление отображенных в национальных сказках особенностей менталитета белорусов и русских.

Важнейшими специфическими чертами фольклора являются коллективность и традиционность. Коллективность в данном случае следует понимать не как обычное соавторство, это своеобразный и продолжительный процесс художественного творчества, процесс идейного и поэтического совершенствования песен, сказок, легенд, пословиц, поговорок. Наиболее ярко особенности этого процесса проявляются в постоянном отборе произведений народной поэзии: из огромного количества созданных когда-то произведений народ выбирает и хранит только самое лучшее, созвучное его мыслям и эстетическим взглядам. Фольклорный процесс всегда происходит в рамках традиции, опирается на предыдущий опыт, использует накопленные художественные ценности, принадлежащие всему народу. Об этом писал еще Ф.И. Буслаев, анализируя художественную структуру украинской народной поэзии: «Все выделенные и рассмотренные нами образы как обычные, общепризнанные и общеупотребительные принадлежат всему народу, а не исключительно этому или другому певцу, в них отражается общий, народный взгляд на мир и человека, а не личные мысли одного автора; они составляют стиль целого народа, а не известной личности» [1].

Все вышесказанное позволяет избрать фольклорные произведения материалом изучения особенностей национального мировоззрения. Поскольку объектом нашего специального внимания является сфера поведения человека, отображенная в национальном языке, мы рассмотрим жанр сказки, специфика которой дает возможность решить поставленную задачу.

Сказка, являясь продуктом коллективного разума, позволяет изучить проявления социальной психологии народа, специфику народного мышления, коллективного художественного восприятия действительности и многие социально-эстетические грани в модели того общества, той жизни, которую представляет народ как желанную, как идеальную.

Многие исследователи быта славян отмечали, что сказка не только впитывала в себя народные взгляды, но и активно формировала и воспитывала их. «Ведь здесь устные рассказы заменяют всю литературу, которой пользуются грамотные люди, и потому имеют огромное значение в жизни безграмотных простолюдинов. Под влиянием рассказов, сказок, пословиц и других продуктов устного народного творчества вырабатывается отчасти все мировоззрение,

вся житейская мудрость и все этические представления темного деревенского люда» [2]. Как видим, сказки были и остаются важным средством познания окружающей действительности и средством воспитания.

Классификация сказок достаточно условна. Традиционно их разделяют на волшебные или мифические, сказки о животных и социально-бытовые. Каждая из групп выделяется особенностями содержания, системой образов, характерными приемами отображения реальной действительности. Собственно анализ тематических групп не является целью данной работы, однако можно заметить, что система образов и сюжетное построение русских и белорусских сказок о животных (самых древних по происхождению) практически не отличается, что обусловлено общностью национальных корней носителей культуры («Курочка ряба», «Петушок и бобовое зернышко», «Журавль и цапля», «Мужик и медведь», «Коза-дереза», «Лиса, заяц и петух», «Терем-теремок», «Каток, пеуничак і лісчэчка», «Дзедава рукавічка», «Мужык, воўк і ліса», «Козы», «Жораў і цапля», «Курка-рабушка»). Действующие лица социально-бытовых сказок также одни и те же: мужик (его семья) и барин (пан), почти всегда сюжет построен на интеллектуальном состязании представителей противоборствующих социальных классов, и победителем становится простой мужик («Как бедняк с бариним обедал», «Хитрый мужик», «Болтливая баба», «Чего на свете не бывает», «Мужык, яго жонка і пан», «Кацярына», «Асцярожны пасланец», «Не любя – не слухай» и др.). Характерной особенностью белорусских сказок является присутствие персонажа пана-поляка, что является следствием исторической ситуации на Беларуси. Простой народ подчеркивает чужеродность «паню-прыгнятальнікаў», которые даже белорусского языка не знают, да и не считают его за язык («Асцярожны пасланец», «Як мужык пана частаваў»).

Основное внимание, как нам кажется, следует уделить специфике белорусской и русской ментальности, нашедшей свое отражение именно в волшебной сказке как хранилище мифологических представлений носителей белорусского и русского языков.

Одной из форм эстетического осмысления народом социальных идеалов являются сказочные воззрения на соотношение личных устремлений в достижении счастья с общественными интересами и задачами. Эта проблема разрешается самой образной системой сказки. Главным героем русских волшебных сказок является чаще «коронованная особа», реже – выходец из народа. Предполагаемый социальный статус действующих лиц задается в сказочном зачине: «Жили-были старик со старухой (дед да баба). Было у них три сына (два или один сын, сын и дочь, дочь)» или «В некотором царстве, некотором государстве жил-был царь (царь с царицей)». От общественного положения действующего лица напрямую зависит построение сказочного сюжета. Если главный герой царский сын, то «счастье», воплощенное в различных предметах, он будет добывать для себя или царя-батюшки («Царевна-лягушка», «Иван-царевич и серый волк», «Марья Моревна», «Сказка о молодильных яблоках и живой воде», «Хрустальная гора» и т.д.). Крестьянский (купеческий) сын может отправиться за счастьем только для себя («Летучий корабль», «Чудесные ягоды», «Иван меньшей – разумом большей», «Сивка-бурка», «По щучьему веленью», «Волшебное кольцо», «Чудесная рубашка», «Матюша Пепельной») или для всего народа («Иван, крестьянский сын, и чудо-юдо», «Про Добрыню Никитича и Змея Горыныча», «Никита Кожемяка», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Микула Селянинович»).

В белорусской волшебной сказке главным действующим лицом в подавляющем большинстве случаев оказывается выходец из простого народа. Эта особенность определяет и несколько иное сюжетное построение: результатом испытаний, выпавших на долю героя, становится улучшение не только своей

жизни, но и жизни всех людей («Илья», «Асілак», «Іванка-прастачок», «Курыла Кажамяка»).

В волшебной сказке героизм и мужество народных заступников часто сочетаются с готовностью пожертвовать своей жизнью для блага всех людей. В сюжетном плане реализация этих качеств героя подчеркивается выбором наиболее трудного пути из всех, открывающихся перед борцом за народное счастье («Бязногі багатыр»). Это отличительная черта белорусского сказочного героя среди идеальных героев восточнославянского сказочного эпоса. Исследователи отмечают, что для героев сказки характерным является чувство жертвенности.

Утверждая общественное предназначение поступков героя, его служение народу как одну из самых высоких социальных целей, сказка не отрицает права человека на личное счастье. Достижение счастья, радости и зажиточной жизни народ не мыслит без единства материального достатка и здоровой духовной жизни. Во многих сказках понятие об индивидуальном крестьянском счастье связывается прежде всего с исправным хозяйством, своей землей и постоянным трудом на ней. Следует отметить, что в русских сказках тема собственной земли не очень актуальна, она изначально есть у крестьянина, к ней он возвращается после жизненных испытаний: «А Иван, крестьянский сын, с братьями вернулся домой, к отцу, к матери, и стали они жить да поживать, поле пахать да хлеб собирать» («Иван, крестьянский сын и чудо-юдо»). В белорусских же сказках выражение крестьянского идеала (стать владельцем своей земли) проявляется в том, что герой сказки достигает своей заветной цели – работает на своей пашне («Іванка-прастачок»).

Острые социальные коллизии, разрешающие проблему личного и общественного в системе человеческих ценностей, проявляются в образно-поэтической системе сказки через борьбу коллективистских начал в положительном герое с индивидуализмом, эгоизмом отрицательных персонажей, самопожертвования и героизма одного против трусости и себялюбия другого. Особенно рельефно эти качества проявляются героями сказок в реализации ими своих представлений о цели и смысле жизни. Посвятив свою жизнь служению людям, герои сказок «Бортнік», «Каваль», «Бязногі багатыр», «Иван, вдовый сын», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Микула Селянинович» проявляют в борьбе силу, смелость, верность долгу – все те качества, которыми народ наделял идеального героя. Раскрытию идеалов, за которые борются защитники народа, подчинены закономерности построения сказочного сюжета. Как уже говорилось, сюжет обычно строится на приключениях и борьбе героя, добывающего счастье себе и людям. Для волшебной сказки, особенно русской, наиболее распространенным воплощением счастья является женитьба героя на царской дочери – представительнице самого высокого социального класса. Интересно отметить явное противоречие в народных представлениях о ценности человеческой личности как таковой: крестьянский сын видит в царевне источник материальных благ, получить которые предполагает не своим трудом, а с помощью волшебных существ или предметов, попавших к нему чаще всего случайно, т.е. повысить свой социальный статус герой старается обманом, но если царевна или ее родители сочтут такой брак мезальянсом и воспротивятся, что совершенно справедливо, то за это будут непременно наказаны («Волшебное кольцо», «Чудесные ягоды», «Летучий корабль»). В белорусской сказке приобретение материальных благ чаще происходит несколько иным путем: вызволением царевны из неволи без непременно для русской сказки женитьбы на ней («Курыла Кажамяка»), смекалкой или хитростью, что в сказке одно и то же («Несцерка», «Дзіва», «Чорт-злodeй»), или с посторонней помощью («Жораваў кашалёк», «Рогі», «Залатое пярo»).

Для волшебной сказки представление о счастье отличается большим максимализмом: герой получает в награду или добывает сам не менее чем царство, полцарства и т.д., обеспечивая себе безбедное существование до конца жизни, причем в белорусской сказке такая жизнь зачастую связана с трудом, в русской же очень редко («Илья», «Рогі», «Дзіва», «Івашка-мядзвезжае вушка», «Иван, крестьянский сын, и чудо-юдо»).

Непререкаемый авторитет родителей, являющийся одним из составляющих «морального кодекса» наших предков, в сказке становится направляющей силой приключений или злоключений героя, однако действия родителей почти никогда не обсуждаются, а тем более не осуждаются («Рогі», «Иван-царевич и серый волк», «Сказка о молодильных яблоках и живой воде» и др.). В конце своих странствий герой обязательно возвращается домой или забирает к себе родителей, обеспечивая им спокойную старость. Это является характерной чертой как русских, так и белорусских волшебных сказок.

Таким же непререкаемым в волшебной сказке является авторитет мужа: жена не смеет ему перечить даже в случае, когда приходится жертвовать кровными родственниками («Пакацігарошак»). В то же время можно встретить сюжет, когда жена руководит действиями мужа: жена оказывается волшебницей и помогает своему супругу добиться успеха («Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что», «Царевна-лягушка»), жена оказывается злой колдуньей (или просто недоброй женщиной, что для наших предков, да и для нас одно и то же) и заставляет мужа избавиться от своих детей («Бабіна дачка і дзедава дачка», «Морозко») или же вовсе задумывает известить своего мужа и занять его место, например, во главе государства («Залатое лярэ», «Волшебное кольцо», «Безногий и слепой богатыри»). Можно предположить, что такое построение сказочного сюжета опирается на мифологическое представление о женщине как существе, близком к нечистой силе и обладающей колдовскими возможностями (недаром Василиса Премудрая оказывается дочерью Бабы-Яги). Интересна в этом отношении концовка белорусской сказки «Курыла Кажамяка»: главный герой погибает от взгляда своей матери, совсем не желавшей ему зла. Думается, здесь заложено архетипическое представление об убийственной силе взгляда, тем более, что женщина в народном представлении всегда считалась гораздо более способной «сглазить», нежели мужчина. Следует отметить, что данное представление характерно для славянской культуры вообще [3].

Черты мифологического мировоззрения народа можно увидеть в преобразовании по ходу развития сюжета героя-«дурака». В зачине и концовке полярно меняются оценки. В зачине оценка отрицательная независимо от качеств героя: *«Младший брат, Иван, был тихий, смиренный да работающий. Вставал раньше всех, а ложился последним... Братья над ним смеялись, дураком считали и прозвали Иваном Запечным. А вслед за братьями и соседи, да и отец с матерью над Иваном посмеивались»* («Летучий корабль»). Подобное отношение опирается на древнюю мифологию «младший сын». В конце сказки младший брат не только получает заслуженную награду, но и становится опорой отца-матери в старости («Иван Меньшой – разумом большой», «Сивка-бурка», «Иван-царевич и серый волк», «Рогі», «Залатое пярэ»).

Остатки тотемистических верований, бытуя в народе, проникали в сказки. Наиболее ярко это отразилось в сказках, где главный герой либо рождается от зверя-тотема («Івашка-мядзвезжае вушка»), либо героиня становится женой медведя, змея, козла («Бабіна дачка і дзедава дачка», «Пакацігарошак», «Козел»). Одно из действующих лиц может быть заколдовано и превращено в птицу («Финист – ясный сокол»), коня («Иван, вдовый сын»), рака («Аб рачку») и др. Также интересен сюжет сказки, в которой бездетная супружеская пара получает детей, родившихся из яйца, где яйцо выступает как языческий символ начала

жизни («Иван меньшой – разумом большой») или обладает магическими свойствами («Ивашка-мядзвезжае вушка»). Естественно, что существенных различий в данном случае мы не обнаружим, поскольку древнеславянская система мифологем, архетипов и т.п. является общей и для русских, и для белорусов.

Как видим, национальная сказка аккумулирует основные черты мифологических воззрений народа, систему нравственных законов и норм и служит своего рода ключом к разгадке души нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Буслаев Ф.И.** Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – М., 1990. – С. 113.
2. **Сергпутовский А.К.** Сказки и рассказы белорусов-полешуков. – СПб., 1911. – С. 47.
3. **Сравнительный указатель сюжетов.** Восточнославянская сказка. – Л., 1979. – С. 12.

S U M M A R Y

The article, based on the material of Russian and Belarussian magic fairy-tales, is devoted to the peculiarities of national mentality and behaviour. The author analyses the system of images, plot and aesthetic reflection of social ideals in fairytale folk genre, revealing depicted the common and the different in the mentality of the Russians and Belarussians.

Поступила в редакцию 17.12.2004